

ТАРАСОВ С.Е.

**УДИВИТЕЛЬНЫЕ
СОБЫТИЯ**

Сергей Тарасов

Удивительные события

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70497187

SelfPub; 2024

Аннотация

Многие люди на земле в жизни встречаются с удивительными событиями. Но столько раз как мне, еще не везло никому. Может у меня была такая активная жизнь? О некоторых событиях я написал в этих коротких рассказах.

Содержание

Жимолость	11
Конфеты	15
Обычный день и повседневные дела	19
Концерт летучих мышей	23
Реклама	28
Тревога в скворечнике	32
Погоня	36
Раки	37
Лис	41
Видение или сон	44

Сергей Тарасов

Удивительные события

Живопись

Цветные карандаши стали мне попадаться каждый день, на каждом шагу. Когда в последние дни жизни работал геологом, я ими пользовался каждый день – раскрашивал ими геологические карты. На моем столе стояла большая карандашница из картонного пакета из-под кефира, – в ней стояли заточенные, готовые к работе карандаши всех цветов и оттенков.

Каждая горная порода, геологическая формация, или структурный этаж требовали своего, установленного ГОС-Том, цвета. Карандашей всех цветов и оттенков мне вечно не хватало, и я собирал все карандаши – мне они все были нужны для работы. В один прекрасный и печальный день моя работа геологом закончилась, но все карандаши я утащил домой – я к ним слишком привязался. Никаких планов с последующим использованием цветных карандашей у меня тогда не было, и большая картонная коробка, в которой они лежали, постепенно пополнялась новыми, найденными в самых неожиданных местах, цветными карандашами. Она тихо лежала в моей тумбочке, и ждала, когда я снова при-

мусь за рисование

Кроме карандашей, у меня есть небольшой набор кистей, который потерял на улице какой-то начинающий, но, наверное, талантливый юный художник. На всякий пожарный случай я его принес домой, сунул на полку в шкаф, и забыл на время о его существовании. Вспомнил об этих кистях уже на пенсии. Вышел как-то ранним утром из своей квартиры на общий балкон, достал из кармана сигареты, зажигалку, и приготовился глотнуть немного свежего никотина.

На своем личном балконе я не курил, после одного случая:— когда я стал выкидывать из окна окурков, он не стал падать вниз, на тротуар. Его подхватило ветром и занесло обратно. Куда он упал, я не успел заметить. Балкон был гордостью квартиры – большой, просторный, удобный и застекленный. Там висели красивые занавески моей работы, на полу лежал ковер, вероятно, персидский. В одном углу балкона стояло кресло, в котором я летом по утрам учил испанские и английские слова, а в другом находился стол, под которым были спрятаны картонные коробки с джинсовой тканью – результаты раскроя старых и новых джинсов. Все это богатство могло сгореть из-за этого окурка. Для того чтобы его найти, мне пришлось провести генеральную уборку балкона, – пропылесосить ковер, вымыть стекла и вытереть везде пыль. Больше, после такой работы, я даже и не пытался курить на своем личном балконе, а стал выходить на площадку запасного выхода – это была идеальная курилка.

Закурить я не успел – внизу, по тротуару шла девушка, и несла несколько картин. Я заинтересовался молодой, симпатичной художницей, и стал смотреть, куда же держит путь, это молодое дарование, с этими картинами. Она подошла к мусорным бакам, и потом вышла – без картин.

В глубине своей души я люблю иногда взглянуть на живопись, особенно на абстрактные картины, но никогда не пытался рисовать сам, после неудачных попыток нарисовать на лезвии охотничьего ножа, только что сделанного, тигра, или пантеру. Мне пришлось потратить часа два на этого тигра, и лишь потом заняться гравировкой.

До меня дошло, что она выкинула картины в мусор, и я сразу отправился за ними. Они стояли около бака и ждали меня. Я забрал их все, и дома стал их внимательно разглядывать. Они все были без рам – одни холсты, разные по размеру. На самом большом холсте была изображена женщина в сплошном купальнике синего цвета, двое следующих были посвящены трудовым будням строителей и инженеров, на следующем было изображено катание пенсионера на салазках, в компании маленькой девочки на коньках. Последний холст был с городским пейзажем, и он мне настолько понравился, что я через день повесил его в гостиной родительского дома, на самом видном месте.

Остальные холсты, по моему личному мнению, не представляли никакой ценности, – для меня, но я не торопился их выкидывать. Краску на них можно было удалить, и напи-

сать самому какой-нибудь шедевр – типа Джоконды. Я видел эту картину в Лувре, и мне не составляло труда что-то подобное написать самому. Пока времени этим летом у меня на живопись не было, – огород, электроника, ремонт, грибы ... Лишь только поздней осенью я взялся за кисти и краски.

Сначала я убрал шкуркой с самой большой картины фигуру женщины в купальнике, оставил только ее невымытое лицо. Пришлось потратиться на набор акриловых красок. Мне были нужны только небольшие стаканчики: с синей, красной, зеленой и желтой краской. Остальные цвета можно было получить, смешивая эти краски. В этом наборе оказалось еще акрил белого и черного цветов.

Сначала я хотел скопировать какую-нибудь работу известного художника, – но это было долго, трудно, и мне было лень заниматься этим делом. Пришлось придумывать сюжет самому. Я придумал самый простой из всех простых сюжетов – океан на другой планете, с красивыми, разноцветными водорослями, и двумя рыбами среди них. Женскую голову, которую не удалил от старого живописца, я украсил звездой, и выкрасил в тёмно-синий цвет небосклон со звездами и месяцем.

Первая картина у меня удалась. Я не стал ее продавать Русскому музею, а повесил на пустую стену в комнате для гостей, улегся на диван, и стал любоваться ею, пока не уснул. Проснулся часа через два, и сразу подумал о планах украсить все свободные стены моими будущими гениальными карти-

нами. Они все должны быть в роскошных золотых рамах.

Но золотые рамы были для меня чересчур дорогими, и не подходили к обоям. Пришлось от них отказаться, на – время, и заняться карандашами. В одном книгообмене я нашел книжку детских раскрасок – там были такие мистические картинки, которые так и тянуло раскрасить, поместить в рамку и повесить над диваном в этой же комнате. Этих картинок формата А4 в книге было около двадцати, и я отобрал из них только восемь. Для них надо было сначала изготовить рамы. Покупать готовые рамы было для меня расточительством: – у меня был целая бутылка смертельного клея, который я подобрал на какой-то помойке в лесу. Она стояла в магазине почти тысячу рублей, и я подумал о сказочно богатых садоводах, которые выкидывают деньги на ветер. Отец мне оставил в наследство целые связки деревянных реек. Я их склеил, обрезал лишнее, покрасил, покрыл лаком и получились скромные, симпатичные деревянные рамки серого цвета.

Пока они сохли в теплице, я потрудился над этими раскрасками цветными карандашами, а потом растер карандашную окраску до такой степени, что следов от грифеля не стало видно. Осталось все бумажные листы поместить в рамы и повесить на стену. Когда эти удивительные фантастические рисунки были размещены над диваном, получился целый фрагмент картинной галереи – у меня дома.

У самого окна остались два пустых места, и они ждали,

когда я на них повешу следующие шедевры живописи. Доставать из-за шкафа мольберт, искать краску, а потом выду-мывать сюжеты для новых картин, было мне лень, и я просто нашел наволочку от подушки, на одной стороне которой была изображена буровая вышка, вся в снегу, а на другой стороне купание веселого и зубастого гнедого коня в лаптях. Ножницами я вырезал из наволочки эти два готовых холста, и приколотил их гвоздями к деревянной раме. Получились две готовых картины. Я повесил их у окна, и получилось очень здорово.

В моей спальне висит картина с изображением девы Марии, с младенцем на руках. Картина написана неизвестным художником маслом. Я уже и не помню, где я ее раздобыл. Но она висит уже давно, и мне нравится по утрам смотреть на нее.

Несколько лет назад мне довелось посетить музей современного искусства в Санкт-Петербурге. Если не считать скульптур Ван Гога, все картины музея я не стал бы выставлять в своем доме. Я повесил бы только талантливые и красивые работы – собственного производства. Для них у меня осталось несколько пустых холстов, акриловая краска, мольберт и кисти. Я научился искусству изготавливать рамы – для своих будущих картин. Осталось немного – написать их. Через месяц, когда снег растает, на улице и в огороде станет грязно и сыро, тогда я и займусь живописью. Напишу пару-другую шедевров, и буду ими любоваться каждый вечер,

перед сном, для того чтобы ночью снились кошмары.

Жимолость

Когда я работал на Северном Урале после первого курса института рабочим, впервые увидел жимолость – это были невысокие, по колено, кустики на старых вырубках. На них росли небольшие синевато черные удлиненные ягоды. Они были горьковаты на вкус, но рабочие начали ее тут же собирать, а вечером из этих ягод сварили компот. Он был фиолетового цвета, горький на вкус, но если в него добавить сахар, получался очень вкусный горьковатый напиток. Мне он сразу понравился, я пил его вечерами часто и много.

Потом этот кустарник встретился мне через год, когда работал в лесу под городом Верх-Нейвинск. Жимолость здесь было больше, чем на севере, и кусты ее были большими, почти два метра в высоту, с такими же вкусными ягодами. О них я вспомнил, когда мама посадила куст садовой жимолости на небольшом огороде, который был на месте участка, где планировался дом, но его так и не построили и соседи разделили этот пустой участок. На этом кусте выросло немного очень крупных и сладко-горьковатых ягод, и мама их любила поесть.

Через несколько лет она бесплатно отдала этот маленький огород моей двоюродной сестре, и к жимолости стало ей трудно попадать – там уже хозяйничала сестра, вместе с мужем. Когда она захотела пересадить этот куст себе в огород,

муж сестры не дал ей это сделать, утверждая, что этому кусту там хорошо, и иногда стал приносить ей чашку с ягодами. Через год он перестал их приносить, сказал, что куст засох.

Я решил посадить жимолость у себя в огороде и весной отправился под Верх-Нейвинск, в знакомые места, — туда, где видел много высоких кустов лесной жимолости. Но их там уже не было — они все засохли, и я просто не мог найти здоровых кустов. Пришлось отправиться домой и начать искать жимолость в своем лесу, когда я отправлялся на свои лесные прогулки.

В сосновом лесу у Визовского пруда, где когда-то был садовый питомник, я нашел несколько чахлах кустика жимолости, и отметил их разноцветными ленточками, чтобы осенью их выкопать и посадить в огороде.

Лето промелькнуло быстро, настала прохладная, сухая осень, и я отправился с лопатой и большим рюкзаком за этими кустиками жимолости. Листья у них еще не опали, я выкопал все кустики, на которых были ленточки, связал из них один пышный куст и принес их домой. Для жимолости выбрал самое хорошее место в огороде — там была тень от груши, но сквозь ее ветки проглядывало солнце. Выкопал там яму, посадил туда куст из десятков побегов и полил водой.

Зиму этот куст перезимовал хорошо, весной на нем появились листочки, а потом и завязи будущих цветков. Когда на нем появились первые ягоды, я собрал их и пошел угощать маму. Она соскучилась по жимолости, и с удоволь-

ствием их съела. Но их было слишком мало, потому что лесная жимолость долго привыкала к новому месту. Настоящий урожай ягод был только через пару лет, когда куст освоился и начал расти. С этого лета у меня не стало проблем с жимолостью, – начиная с июня, ягоды поспевали на нем все лето. Я их собирал, угощал маму и ел сам.

Но ягод с одного куста нам с мамой не хватало, и я снова стал искать жимолость в своем лесу. Нашел несколько кустов, выкопал и осенью их посадил в тени яблонь у самого соседского забора, где кусты смородины не хотели расти. Получилась небольшая аллея, в которой было пять – шесть кустов жимолости. Они через пару лет прижились и стали приносить ягоды, которых сначала было мало, но уже через несколько лет кусты разрослись, и ягод на них стало больше. Первый куст, который я посадил, стал мне мешать, я его выкопал и присоединил к этой аллее. В прошлом году, когда выкорчевал старый куст крыжовника, на котором росли одни колючки, сходил снова в лес и еще выкопал там два кустика жимолости.

Теперь длина аллеи жимолости увеличилась до восьми метров. Кусты, которые я посадил там первыми, вымахали до трех метров в высоту, и я с трудом дотягивался до ягод. Их было так много, что собирал их все лето, варил из них компот и ел просто с кустов. Сквозь кусты жимолости соседям было уже трудно рассмотреть, чем я занимаюсь в огороде, и мне это нравилось – образовалась целая зеленая стена

из жимолости. Зимой там прыгают воробьи с синицами, завтракая уцелевшими ягодами.

Конфеты

Утром я встал, совершенно не выспавшись после ночного чтения. Поел, и поехал за продуктами. У меня так опустел холодильник, что я только открывал его, и сразу закрывал – в нем уже не было ничего вкусного. Надо было его заполнить, так как я постоянно стал испытывать голод, особенно поздним вечером. Зашел в магазин «Яблоко», положил в корзинку все, что запланировал купить, и поехал скорее домой. Впереди у меня был обед, и надо было уже топить баню – сегодня как раз была суббота.

Перед поездкой выключил газ, и дома было холодней, чем я рассчитывал. Пришлось его включить, и я отправился в огород – там стояли две полные бочки с водой. Часть воды я перелил сразу в котел, который был в бане, и затопил печку. Пока я так хозяйничал, согрелся, и решил, наконец-то пообедать.

Когда выгружал продукты из сумки в холодильник, из нее выпал магазинный чек, и я за обедом решил посмотреть стоимость сгущенки, которую я купил.

Выяснилось, что я купил самое дорогое, но очень вкусное сгущённое молоко, но не стал сильно расстраиваться по этому поводу. Расстраиваться я начал, когда увидел в кассовом чеке товар, который я не покупал. Это были конфеты, и они стоили почти пятьсот рублей. Я иногда смотрю чек прямо в

магазине, у кассы, но редко – для этого мне надо было сначала достать очки. А если в моей сумке слишком много всяких нужных и ненужных вещей, то достать их было просто невозможно.

Этот был такой случай, когда мне надо было посмотреть чек прямо у кассы. Молодая девушка – кассир, у которой вдруг появилось желание бесплатно поесть вкусные шоколадные конфеты, просто впечатала их мне в чек. У меня был случай, когда я забыл пельмени на кассе в Магните, и, придя домой, захотел их тут же сварить и поужинать. Но оказалось, что я их забыл на кассе. Пришлось спускаться в магазин на первый этаж, и спрашивать у продавцов, где мои пельмени.

Их уже унесли обратно, в коробку в холодильной камере. Я их оттуда достал, сказал спасибо, и отправился их варить на кухню. Но так, как сегодня, не бывало никогда. Было уже поздно ехать в магазин, и объяснять, что я заплатил за конфеты, которые не покупал, и это проделки кассира. Решил оставить это на завтра.

Наступило завтра, это было воскресенье. Хорошенько выспался, позавтракав, я оправился в магазин, получить обратно свои денежки, или захватить конфеты. Знакомой девушки, которая обслуживала меня вечером, на кассе не оказалось, и я прошел в торговый зал. Походил между стеллажей, заставленных всякой съедобной и несъедобной всячиной, увидел двух женщин, стоящих у стеллажа с товарами. Они были с блокнотами, и не походили на покупателей.

Я подошел к ним и спросил, как мне найти кассира. Одна спросила: – «для чего?» И я объяснил в двух словах, что заплатил за товар, который не покупал. Одна из них оказалась заведующей. Она посмотрела на мой чек, и попросила прийти завтра – когда придет работник магазина, работающий с видеокамерами. Это было для меня неожиданной и хорошей новостью. Про это я не подумал: – что на кассе за всеми покупателями и кассиром наблюдают видеокамеры и информация записывается.

В понедельник я нашел Александру Сергеевну – так звали эту молодую симпатичную заведующую. Она попросила мужчину, который работал с видеокамерами посмотреть запись, и вернула мне деньги. Я поздравил ее с наступающим новым годом, и эта история, таким образом, закончилась хорошо. А я думал и нервничал, когда обнаружил в чеке конфеты, весь субботний вечер.

Вот так живешь, в тишине и спокойствии, не желая никому зла и проблем. Теряешь самоконтроль, и кто-то тебя или обманет, или подставит. Надо быть всегда начеку, как говорил Козьма Прутков. Это также означает, что умирать рано. Надо просто спокойно разобраться, и выясниться, что почти все можно исправить.

Я стараюсь. Но когда плохо сплю, или рано встаю, у меня такой вид, как у ботаника, или лоха. И реакция замедленная, и мозги соображают плохо. Надо больше спать, особенно зимой. Но это не всегда получается – или начнут показывать

хороший фильм в ящике для идиотов, или в книжном шкафу обнаруживается целая стопка интересных книг.

Обычный день и повседневные дела

Вчера выдался трудный день: я позавчера поехал в свою городскую квартиру, переночевал там, утром хорошенько выспался, потом шил то, что лежало на швейной машине, а после обеда поехал по делам. Банк, потом еще один, магазин радиотоваров, рынок, еще банк, потом еще один. Потом за продуктами для себя и моих нахлебников – воробьев, синиц, сорок, снегирей, и дятла

Жил когда-то в доме мамин кот, Кузя. Я не успел решить, что с ним делать, когда уезжал в свою квартиру с ночевкой. Все само решилось: после смерти матери недели через три, он ушел, и не вернулся. Скучно стало жить одному, и я поставил в огороде кормушки – кормить воробьев, синиц и всех остальных пернатых. Зимой всегда я их подкармливал: – утром посмотришь на птичью суету в огороде, то становится сразу веселей на душе. Если они уже склевали всю крупу и крошки хлеба, которые были в кормушках, то начинали стучать в окно на кухне, и вызывали меня на продолжение банкета.

Удачно приехал автобус, и я без хлопот высадился у своего переулка. Было темно, на дороге был сплошной лед. Я потихонечку добрал до своего дома, и оказался опять в сво-

ей деревне, где было тихо, тепло и просторно. Уже года три или четыре, у меня были одни занятия поздней осенью, которым я посвятил следующий день – утром учил английские слова, потом читал вслух Агату Кристи на английском языке, потом стихи на русском, тоже вслух.

Два года назад я поставил протез вместо верхних зубов, и для полного комплекта, и на оставшиеся нижние зубы. Пришлось мне в четвертый раз в жизни учиться говорить. Вот уже три года я каждый день читаю вслух, и сейчас уже почти все меня понимают.

После этой тренировки у меня шитье:– тут рабочая одежда быстро выходит из строя. Я ее меняю на более новую, но старую зашиваю – одеть ее раз, или два, перед тем как выкинуть.

И вот уже обед, с большим содержанием в супе мяса. У меня намечен выход в лес с санями, пилой и топором: – за дровами для бани. Этим делом приходится заниматься уже года четыре, поздней осенью, когда ложится снег. Деревья в лесу сохнут и падают, а я их собираю, и волоку на санках домой, чтобы, когда начнутся морозы распилить, поколоть и сложить в поленницу. Очень удобно – и воздухом подышать, и физическим трудом заняться. И ощутимая польза моему кошельку. На каждую такую вылазку уходит обычно часа два. Но сейчас в лесу мало снега, а на дороге один лед, и пока тащил на санях березовый ствол, уже наступила темнота.

После ужина меня ждало еще вязанье – надо было у одного шерстяного носка довязать резинку, и заштопать еще пару таких теплых носков. Я штопал под музыку – вчера я скачал почти гигабайт музыки группы Дилижанс. Это для меня как конфета – работать под музыку: – мне не стало хватать времени для того, чтобы просто сесть и наслаждаться музыкой, так что приходится совмещать приятное с полезным.

Вяжу под такую забойную музыку, что до меня наконец-то доходит, что что-то я не так делаю – вместо лицевой надо вязать изнаночную петлю и наоборот. Потом нашел свою ошибку – я вяжу резинку 2x2, а надо 1x1, и поэтому получается такая ерунда. Раньше я вязал много, и в резинках у джемперов привык вязать две лицевые, потом две изнаночные петли, и по привычке сейчас начал вязать резинку носков, как у джемпера.

Сейчас, когда ошибка установлена, можно закинуть это вязание на завтра, а заняться сочинительством – я нашел несколько карандашей в квартире и думаю, мне их хватит. Во всяком случае, мне хватало за полевой сезон в тайге исписать два-три карандаша.

Пишу обычно часа два, иногда больше, в зависимости от настроения. По натуре я сова, поэтому я иногда засиживаюсь за компьютером до полночи, и не успеваю посмотреть фильм. Ангел хранитель, правда, мне иногда подбрасывает диски с фильмами: – неделю назад я в обменнике обнаружил целую стопку дисков с фильмами, которых не смотрел. Сей-

час я на всю оставшуюся зиму обеспечен фильмами. Я их смотрю, когда надоедает реклама.

Вот уже почти двенадцать ночи. В постели я посмотрел новости на смартфоне, включил произведение английских слов, и стал их слушать. Сон пришел незаметно.

Мне снилось лето, грибы, ягоды и красивые города, где я еще не был. Такой вещий сон...

Концерт летучих мышей

Мой приятель, с которым мы зимой ходили в лыжные походы, оказался летом большим любителем лазить по пещерам. И взял меня с собою, когда выдалась такая возможность посетить одну из пещер. Я согласился, сразу собрался, и мы поехали.

Нас было шесть человек: трое парней, и три девушки. Все были из разных групп, но с одного потока, и хорошо знали друг друга.

Взяли палатку, продукты, гитару, и сели на поезд. Утром мы приехали на место. Там текла река Исеть, и мы устроили лагерь на ее берегу. На противоположном берегу реки тянулись скалы из известняка, в которых видны были небольшие гроты, и там был вход в Смолинскую пещеру, куда мы собрались забраться.

Мне приходилось бывать в пещере. Как-то раз ездил в Кунгурскую ледяную пещеру, и мне там понравилось, – было красиво, просторно, и были сталактиты со сталагмитами. Я не боялся закрытых пространств. Но после пещеры, в которую я полез вместе с Серегой – этим сумасшедшим палеологом, отношение к пещерам у меня изменилось.

Первую вылазку в это темное и грязное царство теней мы совершили всей толпой. Не особо и наклоняясь, прошли по тесной, мрачной, и грязной галерее до большого зала, при-

мерно двадцать метров диаметром. Вверху, через небольшие карстовые промоины сочился слабый свет. К этим промоинам вела крутая осыпь, вся покрытая мокрой глиной. А как бесплатное приложение внизу осыпи был провал, – типа широкой трубы, поставленной на попа.

Сергей сразу нас предупредил, что туда подходить опасно, можно поскользнуться на мокрой глине и переломать в этой трубе все, что можно придумать. Я не стал спрашивать, какая глубина у этого провала. Это место было слишком опасно, чтобы к нему приближаться. Не хватало, чтобы поскользнуться на глине и полететь вниз, ломая у себя все кости.

Из этого грота полезли по какой-то норе, узкой и грязной. Нора была очень темной. И Сергей на короткое время выключил фонарь, чтобы мы оценили абсолютную темноту. Не знаю, как другие, я просто почувствовал себя слепым в каком-то муравейнике без входа и выхода. Потом он включил фонарик, и мы по очереди, один за другим, полезли всей толпой за ним дальше. Эта нора оказалась не очень-то и длинной. Спустя каких-то сорок минут вновь оказались в зале, из которого начали свое путешествие.

Все были грязные, как земляные червяки. Но довольные, что увидели знакомое место, где можно было выпрямиться во весь рост. Потом, когда передохнули, полезли за своим гидом в другую, аналогичную нору, только она оказалась длиннее и грязнее первой. Мы, ругаясь в тесноте известняковых отложений, ползли в темноте за Сергеем. Вылезли опять в

том же зале, с провалом на дне. И слышали писк летучих мышей. Они пищали, вообще-то, но довольно приятно, и если бы я не знал, что это мыши, подумал бы, что похоже на репетицию хора пьяных курских соловьев, у которых в наличии всего одно колено.

Мы долго слушали этот концерт подземных соловьев. И когда устали от него, подались к выходу. Было так приятно увидеть дневной свет. Слов нет, какой он нам показался милым после темной и мрачной пещеры. На улице уже наступил вечер. Мы приготовили ужин, и у всех оказался зверский аппетит после посещения пещеры. Наконец, насытившись, заснули мертвым сном в палатке.

На следующий день я вместе с Серегой отправился опять в пещеру, только вдвоем, остальные наслаждались теплым днем на берегу реки, и лазили по прибрежным скалам. Добрались без приключений до зала, обошли провал в нижней его части, и полезли по какому-то длинному, без света коридору. Дно и стенки у него были без глины, потолок был низкий. Мы сначала шли слегка пригнувшись. Коридор этот был сначала приспособлен для ходьбы, но чем дальше по нему пробирались, тем он становился все уже и теснее. Дошло то того, что начали по нему ползти. Сергей полз впереди, и он был легче и поменьше ростом, чем я. Когда этот коридор сузился до такой степени, что он не мог двигаться вперед, а я тем более, он сказал, что пора вернуться.

Вернуться оказалось трудным и долгим процессом. Мы

ползли, как раки минут двадцать до того места в этой норе, где можно было развернуться и ползти уже головой вперед, как нормальные пластуны. Наконец, это место нашлось. Поползли головой вперед, а потом, наклонившись, как ревматоидные старики, пошли к выходу из этого сужающей в конце известковой дыре. Доковыляли до выхода в этой норе. Надо было только пролезть через тесную узкую расселину длиной метра три, чтобы оказаться в гроте, в котором можно было разогнуться во весь рост.

Так как я полз сейчас впереди Сереги, то вылезать в просторный зал мне выпало первым. Я безо всякой задней мысли начал протискиваться по этой узкой щели вперед к свободе, и когда весь оказался в этой щели, со страхом обнаружил, что не могу пролезть по ней дальше: застрял, как пробка в бутылке. Ни назад, ни вперед. Ко мне пришла хорошая, но запоздалая мысль, что надо было снять с себя штормовку, штаны и сапоги, и, тогда, раздевшись догола, я бы может быть и вылез из этой ловушки, в которую угодил. Меня успокаивала лишь только мысль, что Серега тоже попал в ловушку: собою я загородил ему выход. И пока не вылезу, он тоже не сможет. Так мы и останемся здесь навсегда. И тогда какие-нибудь, лет через двести, очередные сумасшедшие спелеологи найдут однажды наши кости.

Я лежал, стиснутый со всех сторон прохладным известняком и размышлял, как мне быть дальше. Сереге тем временем уже надоело лежать без дела, и он решил, во что бы то

ни стало вырваться на свободу. Стал меня пинать по ногам. В свою очередь я, как истинный червяк, начал извиваться всем измученным телом, и по сантиметру, другому, продвигаться к выходу из этой норы. Совсем измученный борьбой за жизнь и телом и душой, мокрый от пота, я выпал в зал, из которого мы начали путь сквозь известняк. За мной вылез Серега, без штормовки и свитера, которые он на всякий случай снял, когда полез за мной через эту щель.

Мы с энтузиазмом быстро двинулись к выходу из пещеры, и вскоре увидели солнечный свет. Больше мы в пещеру не полезли. Отдохнули в лагере, наелись так, что я чуть не лопнул, и следующим утром поехали домой – отмываться от глины.

С тех пор я не люблю пещеры. Сыро, грязно, света совсем нет, всякие ловушки под ногами, в которые можно запросто провалиться. И чересчур узкие и запутанные норы для людей.

То ли дело идти по солнечному лесу, глядя на грибы, лесные цветы, слушать соловьев, и других лесных птиц, а не похожий на песни контуженых соловьев, писк летучих мышей.

Реклама

Рассказов накопились много, около двух сотен, а сюжеты для них, в свою очередь стали кончаться. В начале зимы я написал, какие рассказы мне надо обязательно написать. Сейчас, когда началась дружная весна, времени на рассказы стало не хватать, и сейчас я смотрю на этот список и вижу, что все темы я, так или иначе, затронул. Некоторые рассказы я начал, но продолжать писать мне их стало лень – особенно про свои путешествия. Остался Париж и Диснейленд – а чтобы все впечатления о них написать, мне надо их вспомнить, потом набрать на компьютере и потом еще редактировать. Придется постараться, так как это, по-видимому, последние рассказы. Весеннее солнце начало растапливать снег в огороде и скоро у меня будут совсем другие заботы.

Но зима прошла незаметно, и это для меня главное. Сейчас надо дописать отставшие рассказы и определиться, где напечатать этот труд. Месяц тому назад я зашел на Литрес и зарегистрировался, на всякий случай. Через несколько дней после регистрации подумал, что мне незачем копить рассказы, – потому их достаточно много, а надо попробовать их напечатать и посмотреть, как они выглядят на этом сайте.

Для начала мне было жалко отправлять на этот сайт рассказы, которые мне самому нравятся, и поэтому я отправил на модерацию самые противные и короткие рассказы, а об-

ложку к ним сделал из своей черно-белой фотографии, которую сделал лет сорок пять лет тому назад. Там изображен корень от сосны, которая упала от старости, а корень ее издали напоминал лешего. Чтобы усилить это впечатление, я сделал из ветки посох и сунул этому лешему его в руки. А почему-то фотография получилась крупнозернистая – почти без контраста и мне это понравилось.

На сайте я один из этих рассказов поместил в эту обложку с лешим, а для второго выбрал обложку, которую мне предложил сайт, – и отправил все это на модерацию. Через два дня модератор прислал мне сообщение, что надо там что-то исправить. Оказывается вторая обложка, где я был сфотографирован американской девушкой на фоне пиратского корабля, не годилась для обложки: надпись рассказа не помещалась. Пришлось ехать в публичную библиотеку, так как исправить рассказы и обложку для них со смартфона не получалось – редактировать можно было только со стационарного компьютера.

Я исправил обложки у этих первых, ужасных рассказов, а потом подумал и отправил на модерацию еще четыре – там были выдуманные мною фантастические сюжеты, и мне их было совсем не жалко. Сейчас, когда я уже знал что и как на этом сайте, я за полтора часа все закончил – отредактировал первые рассказы и поместил на модерацию еще четыре – в обложки, которые сделал сам. В своих путешествиях по России и за рубежом я много фотографировал, и из этих

фотографий получились отличные обложки для моих рассказов. Мне было интересно, пройдут они модерацию, или нет. Через два дня я получил послание, что часть последних рассказов прошла проверку, а у нескольких надо было что-то исправить. Чтобы не зря ходить, я сделал еще обложки к новым четырем рассказам, которые специально написал для этого случая.

Все замечания я исправил, и поместил еще четыре новых рассказа. Я уже понял, как делать обложки, чтобы они не вызвали замечаний у модератора. Сейчас на сайте Литрес было десять рассказов, и мне осталось только понаблюдать, читают ли их, или нет. Часть рассказов была с роялти, а большая часть рассказов я сделал бесплатными.

Прошла неделя с того момента, когда я поместил последние рассказы на этот сайт. Никто их не читал, и я к этому относился совсем спокойно. Теперь по вечерам я стал смотреть телевизор, а перед сном у меня была привычка почитать новости в интернете. На сайте новостей вдруг вынырнула реклама моей книжки – в ней был всего один первый мой рассказ. Я чуть не свалился с кровати от неожиданности. Реклама в интернете и так мне надоела до чертиков, она вылезала часто и мешала мне почитать новости, но чтобы вдруг вылезла, откуда ни возмись реклама моей книги, с самым плохим моим рассказом, даже с роялти, меня убило наповал.

Чтобы прочитать этот рассказ, мне надо было заплатить сто девятнадцать рублей. Конечно, я сам бы отдал эти рубли,

чтобы наоборот, не читать его снова – он и так мне надоел. Нет, чтобы рекламировали рассказ, который мне нравился – про золото, или драгоценные камни, которые я нашел в детстве. Там и содержание было хорошее и обложки красивые. Нет, Литрес рекламировал самый худший мой рассказ, который я еще сделал платным. Сижу вот теперь и думаю – сделать все рассказы бесплатными, или только этот. И может быть, мне отправить на модерацию еще пару хороших рассказов?

Тревога в скворечнике

Я занимался своими делами – их было много этой весной, они были разными, но все надо было рано или поздно их переделать. После долгой суровой уральской зимы огород представлял жалкое зрелище: повсюду был беспорядок, привычного в нем зеленого цвета не было и в помине – в нем преобладали оттенки серого и бурого цвета: пыльные бурые кустики клубники и пожухлая трава между грядок. Даже сорняки только собирались с силами, что бы потом устроить мне нескончаемые хлопоты. На маленьком хозяйственном дворике под яблонями, где я зимой пилил и колол дрова, была масса опилок и везде валялись сухие щепки, которые постепенно вытаивали из почвы.

Мне предстояло там несколько раз подмести, чтобы потом заняться приготовлением к лету двух ванн для дождевой воды. Их тоже надо было помыть, покрасить, убедиться, что они не протекают. Кроме того, надо было еще собрать весь мусор, отпилить сухие ветки у яблонь и груши, пройтись по многочисленным грядкам клубники с граблями – так я боролся с многочисленными усами, которыми она размножалась все лето.

Осенью, когда я изо всех сил боролся с урожаем, на это не хватало времени. Садить редиску, морковь, лук, укроп и петрушку было еще рано – сначала надо было вскопать и под-

готовить грядки, а земля была еще сырой, и топтать землю было неразумным – копать потом утоптанную собой землю было трудно.

Окинув будущий фронт весенних работ, я посмотрел на голубые небеса с кучками белых облаков и на воробьиную шайку, которая только и ждала, когда я покину огород, чтобы без помех заняться любимым делом – клевать крупу, которая падала в сухие прошлогодние листья клубники с зимних воробьиных кормушек. Воробьев набивалось на этот обеденный стол зимой очень много, все они были голодными и устраивали драки за обедом. В результате обед падал в клубнику, и часть воробьев обедала в кормушке, а те, кому не хватало места, искали крошки внизу, в высохнувших кустах.

Некоторые воробьи уже женились и обживали скворечники – таскали туда всякие травинки и перья. Это были будущие мои помощники – они уничтожали в огороде гусениц, жуков и червяков. В результате их деятельности на яблонях и груше стало мало червивых плодов, и меня это устраивало. Один скворечник заняла шустрая синица, которая зимой питалась салом, которое я прибивал гвоздями к окну мастерской, или привязывал железной проволокой на ветку яблони, чтобы его не стащили сороки.

Любителем сала оказался и дятел, который прилетал на обед в огород всю зиму. Вместо того чтобы искать червяков в стволах сосен и осин, он старательно долбил замерзшее са-

ло и улетал лишь тогда, когда наедался. Кроме воробьев, синиц, дятла и снегирей зимой несколько раз прилетал из леса на охоту какой-то небольшой пернатый хищник. Ему были нужны спокойные, ничего не замечающие за обедом воробьи, и охота всегда у этого пернатого убийцы была успешной – после нее я утром сметал метелкой пух и перья беспечного воробья.

Оставив пока огородный скучный пейзаж, я отправился в мастерскую – там тоже надо было навести порядок, сложить на место молотки, гвозди и подобную мелочь. Взяв в руки метлу, я решил разогреться и подмести сначала двор. Работа была в полном разгаре, когда из огорода раздался возмущенный, испуганный треск. Такого звука я раньше не слышал, и, стораю от любопытства, немного приоткрыл дверь и высунул в огород свою голову.

На одном скворечнике сидела сорока, прямо на жердочке, перед входом, и заглядывала внутрь деревянного домика. Синица, которая там жила, звала кого-нибудь изо всех сил на помощь, и именно она так громко трещала, на всю округу. Сорока на это совсем не обращала внимания, и разглядывала синицу в круглое отверстие, служившее для маленьких птиц входом. Внутри сорока попасть не могла – она была чересчур крупной, и даже не могла просунуть туда свою голову. Это был откровенный терроризм с ее стороны, и надо было его срочно прекратить.

Я приоткрыл дверь и громко шикнул на сороку. Она за-

махала крыльями и кубарем слетела с маленького птичьего домика. В огороде воцарилась тишина и покой.

Погоня

Лыжные и просто прогулки по зимнему лесу всегда приводят к появлению хорошего настроения. Особенно, когда сидишь дома. Или работаешь в офисе за компьютером весь день.

В тот день я решил пройти вдоль коллективных садов по заснеженной лесной дороге. Лыжи оставил дома, и в валенках шел по лесной дороге, дышал свежим, морозным воздухом и смотрел по сторонам. Несмотря на разгар зимы, дорога была в следах машин. Некоторые садоводы живут в своих домах и летом, и зимой, а некоторые просто приезжают на выходные отдохнуть и покататься на лыжах.

Дорогу обступали молодые сосны, ветки их были украшены сугробами белоснежного снега. Стояла тишина, никого на дороге не было видно. Только я один скрипел валенками по этой зимней дороге.

Впереди, метрах в пятидесяти, был поворот. Неожиданно оттуда появился заяц. Он стремительно мчался по дороге, мне навстречу. Я невольно посторонился, давая ему дорогу. А за ним с такой же скоростью мчалась собака. Эта погоня пронеслась мимо меня и скрылась за поворотом.

Удивительное дело, подумал я. Вот если бы я просто бы заступил зайцу путь? Что бы тогда случилось с этим зайцем?

Раки

Небольшая, уютная бухта была усеяна лилиями и кувшинками, и когда я плыл сквозь них на лодке, то они цеплялись за лопасти весел и плыли метра полтора за ними, насколько хватало их длинных ножек. Между ними была речная трава, которая как ковер устилала все дно этой живописной бухты. Здесь была отличная рыбалка: окуни гонялись за мальками, которые сбились в небольшие стаи и шарахались от хищных окуней в разные стороны. Иногда слышался всплеск – это были щуки, которые не разменивались на мальков, а гоняли чебаков и подлещиков. Раньше я брал на рыбалку спиннинг, но опять ловить блесной речную траву мне не хотелось – слишком ее много было в этом подводном царстве.

Иногда я вылавливал в таких местах, поросших травой и лилиями, щук – этих длинных зубастых торпед, и осторожно вытаскивал тройник из пасти, стараясь не пораниться об острые зубы. Молодые щуки были очень вкусные, мясо их было нежным и без костей. Но поймать щуку было непросто, требовалась, прежде всего, удача. Больших щук мне не попадалось, а вот мой отец ловил больших – почти до метра длиной.

После рыбалки, которая у нас с отцом всегда заканчивалась в таких заросших лилиями, кувшинками и травой заводьями, мы с отцом плыли в гавань на лодочной станции вдоль

болотистого берега, и отец тут же устраивал дорожку. Это был просто спиннинг, или два, с распущенной на метров двадцать леской. Блесна сопровождала нашу лодку весь путь до самой лодочной станции, и иногда ее хватала голодная щука.

Сейчас я хотел просто узнать, начали ли метать свою икру раки, которые в изобилии лазили по песчаному дну в нескольких сотнях метров: там был небольшой остров, с выходами гранитов на вершине. Они разрушались со временем, и берега накапливался песок. За долгие годы здесь образовался песчаный пляж, где было удобно купаться и главное, здесь было удобно заходить в воду – не было ни гранитных глыб, крупных камней, ни ила.

В детстве мы часто приходили сюда с маской и ластами, купались, загорали на прибрежных гранитных скалах и ловили раков. Их было много, и мы охотились на них, когда были голодны после купания. Было очень интересно за ними наблюдать под водой. Одни ползали по песку и шевелили клешнями, когда к ним тянулась рука. Кусались они очень больно, если промахнешься под водой рукой и схватишь его не за туловище, а за хвост. Как правило, особенно нам доставались от мелких раков – они своими мелкими клешнями кусались особенно больно. Большие раки попадались достаточно редко, и с ними возни было меньше, и мяса у них было больше.

Когда охота за подводными обитателями прекращалась, мы разводили костер и кидали туда пойманных раков. Они

тут же краснели, и можно было приступить к обеду. В детстве я поймал и съел их достаточно, но когда раков стало особенно много, отец сделал рачевни – такие небольшие круглые сетки, и стал ловить раков этими ловушками. Они любили всякую протухлую рыбу и стрелой мчались обедать на эти сетки. Вдоль бортов лодки таких ловушек было штук шесть, мы с отцом их поднимали время от времени, снимали с них раков и складывали их в садок. Можно было наловить ведро, или два раков, а потом обычно мы плыли домой – в гавани оставляли лодку и шли домой – с рыбой и раками.

Однажды, проплывая вдоль болотистого берега бухты, я заметил на одной из болотных кочек рака. Он сидел в пяти сантиметрах от уровня воды и шевелил своими длинными усами. Я подплыл к кочке кормой лодки и вытащил его рукой. Под хвостом у него были икринки – он собрался откладывать икру, но я ему помешал. Я давно не ел раков, и когда проплыл вдоль берега, набрал штук двадцать таких же, с икрой раков, положил их в садок и отправился разжигать костер на берегу. Когда вытащил их из котелка, в котором они сварились, оставил их остывать и вспомнил, как мы их ловили, когда устроили лагерь на озере, в одном прошедшем полевом сезоне.

Мы искали тогда мрамор, и кроме этого укромного места подходящего подъезда к озеру не нашли. Участок наш был далеко, и это было единственным минусом в этом сезоне: чтобы добраться до работы, нам приходилось почти час

ехать по крутой дороге, заваленной глыбами и щебнем гранита. Но в этом озере было так много раков, что мы вечером, когда было темно, брали фонарик и отлавливали их руками. Почему-то они стремились по ночам к берегу, и мы по колено в воде, с ведром и фонариком выходили на охоту. Когда раков набралось пара полных ведра, мы садились с рабочими вокруг костра, варили их, и тут же ели. Хорошее было время. Жаль, что оно прошло.

Лис

Стояла прохладная уральская осень – не то конец сентября, не то октябрь. В это время уже надо было готовиться к зиме, которая запрячет под своими сугробами все, что мне потом зимой понадобится. Сейчас мне надо было просто узнать, остались ли на месте кирпичи, которые я обнаружил в лесу у сада еще летом. Конечно, можно их купить, но такой расточительности мне не надо. Пойдут в дело и бывшие в употреблении. К тому же они в 10 мин ходьбы, и их можно притащить на маленькой тележке или в рюкзаке. А пока доедешь до магазина стройматериалов, то пройдет полдня. И ради 10 кирпичей заказывать доставку, это смешно и невыгодно.

Я не спеша шел по осеннему лесу вдоль старого Решетского рудника, где в 40-е годы добывали железную руду для Визовского завода. Сейчас остались завалившие карьеры, которые вскрыли ожелезненные сланцы, которые превратились в лимонит и охры. Самый крупный карьер был глубиной до двадцати метров, длиной метров сто. И на дне его виден пласт лимонита. Я его знаю с детства, потому что облазил Решетский рудник основательно. Превращенные в лимонит сланцы протягиваются на расстоянии более километра, все они вскрыты закопушками и неглубокими карьерами, которые зимой в детстве мы использовали для лыжных забав. В

основном у нас была в ходу игра в ляпки на лыжах на склонах карьерах.

Железная руда стала меня интересовать все больше и больше. Может о ней забыли? Я отколотил кусок лимонита и послал его в ПГО Уралгеология с кратким письмом. Получил на него и ответ. Где-то он у меня лежит. Писала некая Журавлева, которая хвалила меня за инициативу. Осенью, когда я учился то ли в четвертом или в пятом классе, ко мне в школу приехал геолог из управления. Меня отпустили с уроков и я ему показал эти карьеры. Так что я старался стать первооткрывателем еще в детстве.

Сейчас садоводы используют эти выработки для своих нужд – сваливают туда разные отходы и ветки.

В общем, я не спеша шел вдоль карьерчиков и вдруг краем глаза что-то заметил – какой-то намек на движение. Я остановился и начал осматриваться вокруг. На небольшой полянке рос какой-то куст, и около него стояла настоящая лиса пепельно-серого цвета с огромным и пушистым хвостом. Я застыл на месте от такой картины и от нереальности происходящего начал разговаривать сам с собой. В своем лесу видел и лис, сов, волков, зайцев, белок и лосей, но такого цвета лису и рядом с собой встретил впервые. Похожих лис я видел только на севере пермского края на границе с мансийским округом, где мы искали алмазы. То, что я видел рядом с собой эту лису, это нонсенс. Этого не может быть в принципе. Но глаза мои смотрели на эту лису, и пришлось признать, что

это не галлюцинация. Лиса же вела себя довольно естественно, никуда не бежала, а просто смотрела на меня: расстояние между нами было максимум метра три. Так прошло минуты две. Сложилась такая абсурдная и нелепая ситуация. Решил подойти поближе, но лиса скрылась за кустом. Я последовал за ней. Ходил за лисой вокруг куста, пока мне не надоело. Потом нагнулся за какой-то пластиковой бутылкой и бросил в лису. Не попал. Лиса приняла мои действия как приглашение к игре. Схватила эту бутылку зубами и начала грызть.

У меня тут ум за разум стал заходить и не мог ничего придумать. Короче, я решил идти дальше. Начал двигаться и заметил, что лиса решила составить мне компанию – она как собака бежала то сзади, то сбоку, то забегая вперед. Но далеко не отбегала и выдерживала дистанцию в два, три метра. Ну и дела. Я много раз ходил с лайкой по лесу, но с лисой еще не доводилось. Потом я заметил, что когда надо было ей отлить, эта лиса поднимает ногу и мне стало ясно, что это не лиса, а лис.

Так мы мирно шли по лесу – я и лис. И не знаю, долго мы могли так идти, и чем могла закончиться эта прогулка, но минут через двадцать со стороны садов стали слышны голоса садоводов и лай собаки. И лис пропал. Растворился в осеннем лесу.

Видение или сон

Я снова был женат. Новая жена работала в питомнике, разводила новые сорта яблок. Я продолжал свою службу геологом. Так как геологоразведочная партия работала по заказам, а время настало трудное, объем работ сократился в разы, количество моих коллег тоже. Начальник, хоть и советовал всем искать новую работы, никого не сокращал, и меня не уговаривал найти новую работу. И я ходил время от времени на работу.

Перед этими трудными временами наша партия работала на кирпичные глины, я нашел несколько хороших объектов с хорошими запасами, и по данным лабораторных исследований, глины всех новых месторождений годились для производства кирпича. Но никаких отчетов по ним не было, новые заказчики не появлялись, а у старых не хватало средств, чтобы продолжать с нами работы. Я продолжал приводить все полевые материалы в порядок. Кроме я чувствовал себя не очень здоровым – температура у меня то появлялась, то исчезала.

Начальника партии озаботили новым заказом – поиски декоративного известняка под Нижним Тагилом. Там надо было сначала все выяснить, и пройти несколько линий разведочных шурфов.

Я срочно вылез из спального мешка, в котором жил по-

следнюю неделю, так как температура держалась в районе тридцати девять градусов, а иногда доходила до сорока, и я все дни находился в таком замороженном состоянии. Машина с водителем стояла у ворот дома, я привык собираться быстро, и мы поехали.

Полузаброшенная деревня из нескольких десятков домов стояла у подножия высоченной горы. Рядом с домом, который нас приютил на время, пока рабочий должен был копать шурфы, а я их документировать, петляла небольшая речка, вся в кустах и небольших заводях. Было тихо, спокойно, народу в деревне практически не было, и мы принялись за дело. Так как рабочему уже дали фронт работ, и он не нуждался ни в понукании, ни в помощи с моей стороны, я занял в комнате кровать и принялся продолжать болеть. Температура, наверно, поднялась и не собиралась отступать, и я даже не мог сказать, какой она была – у меня не было термометра. Потянулся день за днем. Утром я вставал и отправлялся на речку умыться. До нее было всего метров пятьдесят.

Преодолевал я эти метры в несколько этапов – метров по восьми или десяти. На большее у меня не хватало сил. Прошагаю метров десять и лежу, отдыхаю и набираюсь сил для следующих метров. Добираюсь, наконец, до речки и начинаю умываться. После умывания бодрости у меня хватало, чтобы добраться до дома в один переход. Сразу забирался в кровать и просто лежал весь день, безо всяких мыслей и сил. Есть мне совершенно не хотелось, и даже не помню, ел я эти дни.

В одно прекрасное утро пришла в голову мысль, что так я могу умереть. Надо было что-то предпринимать. Я собрал оставшиеся силы, взял свою полевую сумку, и на рейсовом автобусе отправился в ближайший город. Это был Верхний Тагил. Около большого продуктового магазина сошел с автобуса и отправился за продуктами.

Что и в каких количествах купить, я не представлял, и купил разной еды. Мне надо было оживить свою привычку к жизни. Набрался полный пакет – брикет масла, кефир, батон, яблочного сок и что-то еще. Впоследствии оказалось, что самым нужным для моего ослабевшего организма продуктом оказался яблочный сок.

Я отправился с пакетом, полным всякими продуктами обратно в свою богом забытую деревню, вышел около речушки из автобуса, и первым делом достал сок. Ни раньше, ни позже я не пил такого вкусного и полезного для меня напитка. Когда сделал первый глоток, почувствовал, что пью не сок – а живую воду. Я пил мелкими глотками прямо из картонного пакета и чувствовал, что с каждым глотком ко мне возвращается желание жить. Долго сидел я с этим пакетом – часа, наверное, два. За это время выпил около двух стаканов. Но сил у меня прибавилось столько, как если бы съел большую часть быка. С этого часа я пошел на поправку.

На следующий день отправился документировать шурфы. Они уже были выкопаны рабочим, и я за день с ними закончил. После этого мы оправились на другой объект – тоже бы-

ли известняки, и тоже надо было разбить линии разведочных шурфов, выкопать их и задокументировать. Я разбил три линии шурфов, пока рабочий ставил палатку и занимался обустройством лагеря, и отправился домой на электричке. Стало холодно, и мне надо было переодеться в теплую геологическую фуфайку.

Вся моя полевая одежда находилась в доме у родителей. По приезду я сразу же попал в баню, помылся, а потом собрал все, что мне надо было, и на следующий день первой же электричкой вернулся назад. Рабочий начал работать, и уже выкопал несколько шурфов, из мною намеченных. Так, в трудах прошел день. Вечером стал накрапывать дождь и после ужина и нескольких перекуров у костра, мы с рабочим отправились спать в палатку.

Проснулся я ночью от странного сна. Мне приснилось лица двоих пожилых мужчин, в какой-то размытой дымке. Они вели между собою какую-то беседу. Я не мог сказать, о чем у них шел разговор, хотя и присутствовал при этой беседе. Один из них обратился ко мне и произнес фразы, которые запомнились мне на всю жизнь. «Ты нам (пока) не нужен. А чтобы не болела спина, спи на животе». Сон закончился, и не знаю, был ли этот сон на самом деле сном, либо это было какое-то видение.

Я вылез из палатки, раздул костер и закурил. Было половина четвертого ночи. Долго сидел под влиянием этого сна, или видения, и думал. Потом, когда уже началось светать,

пошел спать. Улегся на живот и проспал без задних ног почти до обеда.

В обед приехал уазик – забрать нас домой. А рабочий успел выкопать всего лишь половину шурфов на одной из трех разведочных линий. Я отправился к нему. Объяснил в двух словах положение дел, и мы принялись за дело. Он начинал копать, я начинал документировать, и тут же заключал с ним пари, на какой глубине начнется известняк и какого цвета. Так мы за два часа управились со всеми шурфами. Я со всех брал образцы и все шурфы наносил на топографическую карту. А он копал, и потом закапывал все горные выработки. Потом мигом собрали лагерь, поели, и еще только начало темнеть, мы уже ехали домой.

Уже в конторе, сидя за письменным столом, я заполнил пикетажку, посчитал объём работ – для оплаты труда рабочего – он был на сдельщине, и для начальника. Пока, в поте лица писал, рядом с кабинетом сидела мама – она ждала, когда я закончу, чтобы со мною отправиться в больницу для моего лечения.

Я и теперь не знаю, кто эти были, эти два пожилых мужчины из моего сна, или видения. Может быть, один был мой ангел-хранитель? Я в этом не уверен. Но в одном я уверен на сто процентов – они дали мне возможность жить дальше. И благодарен им за это.

Одна моя знакомая сказала, такое случается, когда человек не до конца выполнил свои задачи в жизни, и ему Созда-

тель дал еще время. Я думаю, что она не далека от истины.